

— Неужели ты не хочешь хоть немного уступить мне? — Лу Ли недовольно провёл пальцем по кончику носа Се Цзяньвэя.

Се Цзяньвэй потёрся о его плечо, Лу Ли поцеловал его в лоб, чувствуя невероятную, безумную надежду: как было бы прекрасно провести так всю жизнь.

У него не было сердца, но он нуждался в нём.

Даже если бы ему пришлось вот так нуждаться в нём всю жизнь, он был бы счастлив.

Лу Ли и Се Цзяньвэй заснули в объятиях друг друга.

Когда лучи утреннего солнца пробились сквозь окно в комнату, Лу Ли проснулся первым.

Заснул...

Спустя полгода он снова заснул рядом с ним.

Се Цзяньвэй еще не проснулся, но успокоившийся Лу Ли уже знал, что ему пора уходить.

Он не хотел будить Се Цзяньвэя, поэтому на цыпочках, бесшумно выбрался из постели.

Прошлой ночью они со страшной силой целовались прямо у окна, а одежда была разбросана по всей комнате.

Каюта на круизном лайнере, какой бы большой ни была, всё же не могла сравниться с домом на суше. Лу Ли собирал одежду и одновременно одевался, а его тонкие губы сами собой растянулись в улыбке.

Пока его взгляд не упал на стопку документов, разбросанных по столу.

Брови Лу Ли слегка нахмурились, и какая-то неведомая сила заставила его взять их в руки.

Стоило ему бросить лишь беглый взгляд, как его зрачки сузились.

Сюй Ли?

Человек, о котором Се Цзяньвэй нежно заботился четыре года.

Лу Ли быстро перелистнул страницы, и после прочтения этих бумаг в его груди осталась лишь ледяная пустота.

У Се Цзяньвэя всё-таки было сердце.

Просто он отдал его кому-то другому.

Сюй Ли, Лу Ли.

Сяо Ли, Сяо Ли.

Когда он смотрел на него, чьё имя на самом деле шептал?

Се Цзяньвэй проснулся, когда Лу Ли уже ушел.

Это было вполне нормально: с тех пор как полгода назад они разругались, после каждой близости Лу Ли разворачивался и уходил, решительно не оставаясь на ночь. В конце концов, его великий Лу-да-ли был человеком с огромной гордостью.

Бедный Се Цзяньвэй, как ни старался, так и не смог привыкнуть просыпаться в одиночестве. Ведь в реальности раздвоившийся на части великий маршал норовил потребовать поцелуй по три-четыре раза за утро, причем последний обычно сопровождался активными попытками зайти за рамки. И хотя Се Цзяньвэй вечно ворчал, что заводить мотор с утра пораньше вредно, стоило привычному утру обойтись без нажатия на газ, как всё его тело начинало испытывать странный дискомфорт.

Се Цзяньвэй вздохнул, встал с постели, принял душ, позавтракал и принялся за работу.

Если хочешь в кратчайшие сроки сокрушить глубоко укоренившийся и переплетенный корнями клан Се, без жестких мер было не обойтись.

Провозившись весь день, вечером он должен был отправиться на деловой обед.

Правда, на этот раз не рабочий, а семейный.

Родители Се Цзяньвэя в этом мире рано ушли из жизни, но у него осталась бабушка, которая его вырастила.

Бабушка Се была непростой женщиной: когда её муж был болен и слаб, а сын скончался, она сумела удержать на плаву огромный клан Се и благополучно передать бразды правления своему родному внуку. Истинно выдающаяся женщина.

Се Цзяньвэй испытывал к бабушке Се самые теплые чувства, потому что догадывался, кем она была в реальности.

Хотя Лу Ли с малых лет рос на Дикой Звезде, ни один младенец или ребенок не смог бы выжить в столь опасном месте, а значит, в детстве о нем кто-то заботился.

Это была необыкновенно добрая и в то же время невероятно сильная женщина.

Она была стара, но обладала силой, способной сражаться со звездными зверями; она страдала от тяжелой немоции, но обладала железной волей, сумев вырваться из лап самой смерти и подарив маленькому Лу Ли шанс на выживание в одиночку на Дикой Звезде.

К тому времени, как Се Цзяньвэй попал на Дикую Звезду, эта женщина уже давно скончалась, так что он никогда не видел её лично.

Но познакомившись с Лу Ли поближе, он узнал о её существовании.

Се Цзяньвэй был ей искренне благодарен: за то, что она сохранила Лу Ли жизнь, за то, что так прекрасно его воспитала, и за то, что оставила ему путь к спасению.

Благодаря ей он встретил Лу Ли.

Именно поэтому, впервые увидев бабушку Се, Се Цзяньвэй сразу почувствовал, что она — та самая бабушка из воспоминаний Лу Ли.

Лу Ли всегда стремился отдать ему самое лучшее, и в его подсознании лучшим человеком, вероятнее всего, была «бабушка», поэтому у Се Цзяньвэя появилась бабушка Се.

Стоило только вспомнить об этом, как Се Цзяньвэй преисполнялся глубочайшего уважения к старуке.

Впрочем, на этот раз обед был не ради того, чтобы составить компанию бабушке Се, а для встречи с совершенно другим человеком.

Этим человеком была внучка сестры бабушки Се со стороны матери — девушка по имени Цзян Минмин.

Цзян Минмин была ровесницей Се Цзяньвэя и долгое время училась за границей. Несколько лет назад бабушка Се горела желанием свести их вместе и поженить.

Однако, не дожидаясь ответа Се Цзяньвэя, Цзян Минмин сама заявила: «Мне нужен спутник,

готовый странствовать со мной по всему миру, а тебе, Цзяньвэй, предстоит унаследовать семейный бизнес?»

Это избавило Се Цзяньвэя от лишних хлопот.

Тем не менее бабушка Се не оставляла надежды. Вовсе не потому, что Цзян Минмин приходилась ей родственницей — она просто искренне любила девушку. Красивая, умная, способная, открытая и прямолинейная — такую поискать!

Бабушка думала исключительно о внуке, желая оградить его от всех невзгод и дать всё самое лучшее, поэтому и продолжала их сводить.

Се Цзяньвэй знал, что она руководствуется самыми благими намерениями, а Цзян Минмин глубоко уважала свою двоюродную бабушку. И хотя оба они прекрасно понимали, что совершенно друг другу не подходят, ради душевного спокойствия старушки они всё равно встречались за обедом, когда та организовывала встречу.

А поскольку у них и в мыслях не было романтического интереса друг к другу, общение во время трапезы протекало непринужденно и весьма гармонично.

Вот только Се Цзяньвэй никак не ожидал, что этот обед обернется таким бурным зрелищем.

Хотя Цзян Минмин происходила из благородной семьи, из-за своей привычки бунтовать и путешествовать повсюду в ней не было ни капли манер молодой госпожи из высшего общества. Заметив, как она тычет вилкой в лежащий перед ней кусок говядины, девушка со смешком произнесла: «Этого твоего стейка хватило бы, чтобы досыта накормить половину детей в стране».

Незадолго до этого она побывала в Нигерии, и после возвращения её просто воротило от подобного расточительства.

Се Цзяньвэй искоса взглянул на нее: «Так не ешь».

Цзян Минмин тяжело вздохнула: «Раз уж приготовили, не съесть — еще большая трапеза на ветер». Она отрезала кусочек, отправила в рот и с улыбкой добавила: «Сколько бы ни стоил этот обед, я потом за тебя пожертвую эту сумму на благотворительность».

Се Цзяньвэй усмехнулся: «В твоей помощи я не нуждаюсь».

Они продолжали непринужденно переговариваться и смеяться, как вдруг Се Цзяньвэй поднял глаза и нос к носу столкнулся с Лу Ли.

Лу Ли, судя по всему, тоже пришел поужинать с кем-то. Едва переступив порог ресторана, он окинул зал взглядом и безошибочно уставился прямо на Се Цзяньвэя.

В этом огромном вращающемся ресторане было всего три занятых столика, и в момент, когда Лу Ли вошел, столик Се Цзяньвэя как раз повернулся под нужным углом.

Их взгляды встретились, но лицо Лу Ли осталось совершенно бесстрастным.

А вот в груди Се Цзяньвэя что-то екнуло.

Это действительно была чистая случайность.

Но вот что об этом подумает Лу Ли — большой вопрос.

Инстинктивно Се Цзяньвэй попытался всё объяснить взглядом, но Лу Ли даже не посмотрел на него, отвернулся и направился к своему спутнику, чтобы занять место.

Се Цзяньвэй: «...» Чувствовать запах ревности за версту определенно было плодом его воображения!

Однако сцену устроил вовсе не Лу Ли, а Цзян Минмин, которая вдруг удивленно воскликнула: «Чэнь Цин?» Она обратилась к мужчине, сидевшему рядом с Лу Ли, судя по всему, своему старому знакомому.

Чэнь Цин тоже выглядел крайне удивленным: «Минмин? Ты вернулась из Нигерии?»

Цзян Минмин улыбнулась: «Ага, еще не успела никому сообщить».

Они явно были однокурсниками и не виделись довольно долго, поэтому едва встретившись, тут же засыпали друг друга вопросами.

В голове Се Цзяньвэя мелькнула мысль, и он тоже подал голос: «Раз вы знакомы, давайте сядем вместе».

Цзян Минмин была только за, но поскольку Се Цзяньвэй не был знаком с Чэнь Цином, она опасалась причинить ему неудобства; тем временем Чэнь Цин с некоторым сомнением покосился на сидевшего рядом Лу Ли.

Лу Ли приподнял уголки губ и с улыбкой произнес: «Если уважаемый директор Се не против, я тоже не возражаю».

Мысленно Се Цзяньвэй подумал: какое к черту возражение, сесть за один стол — единственный способ доказать свою невиновность!

Он и так уже наглотался ревности выше крыши, так что стоило сэкономить на той, что не имела под собой никаких оснований.

Се Цзяньвэй и Цзян Минмин изначально были чисты друг перед другом, а сев за один стол, они могли легко прояснить ситуацию с помощью обычного диалога между Цзян Минмин и Чэнь Цином.

Се Цзяньвэй украдкой следил за выражением лица Лу Ли, но не заметил на нем ни малейшего намека на то, что буря собирается стихнуть.

На что он снова сердится? Вчера вечером атмосфера была прекрасной, почему же после пробуждения этот человек снова сменил гнев на милость и сделал вид, что они чужие?

Обед Се Цзяньвэя превратился в сплошное хождение по минному полю.

Однако одна беда еще не успела закончиться, как подоспела новая — настоящее «представление» всегда приберегают напоследок.

Се Цзяньвэй как раз ломал голову над тем, как поднять Лу Ли настроение, когда во вращающийся ресторан вошла третья группа посетителей.

Сюй Ли, неожиданно заметивший Се Цзяньвэя, округлил глаза от изумления: «Цзяньвэй!»

Се Цзяньвэй: «...»

Сюй Ли в несколько шагов преодолел расстояние до их столика, а в его глазах читалась неподдельная, неприкрытая радость: «Не ожидал встретить тебя здесь, я так рад, просто безумно рад».

Военный стратег Се сохранял каменное лицо: земляне работают непростительно медленно, прошла целая ночь, почему этот тип до сих пор не «погиб в результате несчастного случая»?

У Сюй Ли тоже была спутница — весьма симпатичная женщина. Она окинула Се Цзяньвэя взглядом и с улыбкой произнесла: «Рада знакомству, я старшая сестра Сюй Ли».

Сюй Ли тут же принялся представлять Се Цзяньвэю свою сестру.

Се Цзяньвэй не испытывал ни малейшего интереса к его семейным делам, но раз уж они

столкнулись нос к носу, да еще и на глазах у Лу Ли, ему нужно было тщательно обдумать свои дальнейшие действия.

Искося бросив беспристрастный взгляд на Лу Ли, он тут же поймал его ответный взгляд — они пересеклись глазами, и на губах Лу Ли заиграла насмешливая улыбка.

Се Цзяньвэй мгновенно всё понял.

Похоже, Лу Ли уже в курсе существования Сюй Ли.

Раз уж правда раскрылась, оставалось только подыгрывать.

Но даже подыгрывать нужно уметь правильно.

Судя по документам, Сюй Ли был для Се Цзяньвэя недостижимой белой луной в сердце, которую он глубоко любил, но от которой получил болезненный удар, а значит, при встрече в нем должна была бушевать смесь ненависти и неугасшей любви.

Поэтому он не мог смотреть на Сюй Ли с лаской, но и вести себя слишком холодно было нельзя — в его взгляде должна была читаться боль обиды и нерастраченная привязанность.

Немного подумав, Се Цзяньвэй признался себе, что задача предстоит не из легких и потребует от него максимума актерского мастерства.

Сюй Ли же всеми силами стремился угодить Се Цзяньвэю, и раз уж выпал такой шанс, упускать его он не собирался: «Цзяньвэй, можно я сяду рядом с тобой?»

Се Цзяньвэй тут же отрезал: «Нет!»

Для его обычного характера такая реакция была чересчур резкой, поэтому хорошо знавшая его Цзян Минмин заметно замерла, с удивлением переведя взгляд с одного на другого.

Лу Ли резко отвел глаза, но его глаза были такими темными и мрачными, что в них не пробивался ни единый лучик света.

На лице Сюй Ли мелькнуло смущение, и он обиженно пробормотал: «Что... что я должен сделать, чтобы ты меня простил?»

Се Цзяньвэй мечтал стереть его с лица земли, но, помня о главном правиле лечения, через силу выдавил: «Сюй Ли, нам с тобой больше не о чем говорить, и вопрос о прощении здесь неуместен. Всё прошлое осталось в прошлом, мы...»

«Ты всё еще любишь меня!» — в отчаянии выпалил Сюй Ли.

Стоило ему произнести эти слова, как Цзян Минмин и Чэнь Цин остолбенели от шока, а суставы пальцев Лу Ли, сжимавших нож и вилку, побелели от напряжения.

Сестра Сюй Ли схватила брата за руку и поспешила сгладить неловкость: «Сяо Ли слишком взволнован, прошу директора Се проявить снисхождение и не сердиться».

Се Цзяньвэй даже не посмотрел в сторону Сюй Ли, хотя его выпрямленная спина слегка неестественно напряглась.

Сюй Ли хотел сказать что-то еще, но сестра утянула его за собой: «Пойдем, не будем мешать директору Се отдыхать с друзьями».

Сюй Ли не хотел сдаваться, но, судя по всему, побаивался старшую сестру, поэтому замолчал, лишь продолжая жалобно смотреть на Се Цзяньвэя своими щемящими глазами.

Се Цзяньвэй молча сидел за столом с ледяным выражением лица. Не сказав больше ни слова, он больше ни разу не притронулся к столовым приборам.

Видя такое состояние, Цзян Минмин благоразумно тоже замолчала. За столом сидело четверо, и каждый был погружен в собственные мысли.

Се Цзяньвэй чувствовал себя ужасно неуютно: актерская игра хороша на пару минут, но когда она затягивается, это превращается в настоящую пытку.

Особенно учитывая его катастрофическую нехватку эмпатии к подобным ролям: персонаж Сюй Ли — капризный неблагодарный эгоист — в реальной жизни Се Цзяньвэя не прожил бы и трех дней, не говоря уже о том, чтобы вызывать к себе любовь.

Хотя за Лу Ли он тоже ухаживал довольно долго, между Лу Ли и Сюй Ли была пропасть.

Характер Лу Ли был другим: стоило ему признать кого-то, как он превращался в волка, нашедшего свою пару — преданного и упрямого, в чьем предательстве не приходилось сомневаться.

К тому же Лу Ли никогда бы не стал им пользоваться. Больше всего на свете этот парень жаждал, чтобы Се Цзяньвэй зависел от него, так что о каком-то использовании не могло быть и речи. Напротив, стоило Се Цзяньвэю помочь ему чуть больше обычного, как Лу Ли тут же начинал чувствовать себя неловко.

Любовь зла, как говорится, а когда твой возлюбленный и впрямь истинная «красавица», при

сравнении с ним Сюй Ли вызывал у Се Цзяньвэя лишь глухое раздражение.

На беду, Сюй Ли продолжал сверлить его глазами, то и дело норовя броситься в ноги с признаниями.

Поизображав некоторое время «сложную гамму чувств» на лице, Се Цзяньвэй понял, что больше не выдерживает, резко поднялся и бросил: «Приятного аппетита, я отойду в уборную».

Его поспешный уход лишь добавил мрачности тучам на лице Лу Ли.

Он вовсе не думал, что Се Цзяньвэю просто надоело играть спектакль — в его понимании Се Цзяньвэй банально сбежал от неловкости.

Добравшись до уборной, Се Цзяньвэй открутил кран, плеснул в лицо холодной воды и немного успокоился.

Ему нужно было хорошенько обдумать, как разобраться с историей Сюй Ли.

Если бы Лу Ли ничего не знал о его существовании, устранить парня без лишнего шума не составило бы труда. Но теперь, когда Лу Ли был в курсе и стал свидетелем разыгранного спектакля, убивать Сюй Ли было нельзя.

И без того образ белой луны витал в воздухе, а если тот еще и погибнет, эта «луна» будет светить в сердце Се Цзяньвэя до конца дней. О каком освобождении от прошлого тогда могла идти речь?

Но раз убивать нельзя, что делать с Сюй Ли?

Чего в конце концов добивается Лу Ли?

Отражение в зеркале уловило появление Лу Ли.

Се Цзяньвэй невозмутимо вернул взгляд на место.

Лу Ли прислонился плечом к косяку двери, скрестив руки на груди, и холодно бросил: «Не ожидал, что директор Се способен выглядеть столь жалко».

Се Цзяньвэй понял, что бочка с уксусом вот-вот перевернется. Впрочем, пусть переворачивается — его личная бочка с уксусом по крайней мере принадлежала «красавицу», и это было куда лучше того неблагоприятного мерзавца снаружи.

Он развернулся, чтобы продолжить спектакль: «Ты слишком много на себя берешь».

Лу Ли усмехнулся: «Подумать только, три года назад Се Цзяньвэй был таким преданным романтиком».

Раз уж он выложил всё начистоту, «директору Се» оставалось лишь возмутиться: «Кто позволил тебе копаться в моих личных делах?»

Глядя на его показной гнев, будто кто-то наступил ему на хвост, Лу Ли чувствовал, как в сердце ледяной водой затапливает остатки разума: «Нужно было еще копаться? Ты ослеп, раз связался в эту историю с неблагодарным мерзавцем, и думал, что это удастся утаить?»

Се Цзяньвэй резко прищурился: «Ты знал об этом с самого начала».

Видя, что Се Цзяньвэй даже не пытается возражать, Лу Ли почувствовал себя еще более жалким и смешным, а слова полились сами собой, становясь всё язвительнее: «Да, знал! Еще когда впервые трахал тебя, уже знал!»

Се Цзяньвэй, разумеется, не верил, но приходилось играть роль оскорбленного. Он приглушенно приказал: «Замолчи!»

Лу Ли шагнул вперед, прижав его спиной к мраморной стене умывальника в тесном пространстве: «И кем ты меня всё это время считал?»

Се Цзяньвэй поднял на него глаза и холодно бросил: «Разве ты сам не знаешь?»

Эти слова окончательно вывели Лу Ли из себя. Он схватил Се Цзяньвэя за талию, смеясь от переполнявшей его ярости: «Партнером по постели? Заменой?»

Се Цзяньвэй смутно догадывался, что именно замышляет этот великий дурак, и решил идти до конца: «Да!»

— Хорошо, прекрасно, просто замечательно. — Глаза Лу Ли налились кровью, казалось, он был на грани безумия, — Се Цзяньвэй, ты...

Не успел он договорить, как снаружи послышались шаги.

Лицо Лу Ли помрачнело, он схватил Се Цзяньвэя и втащил в одну из кабинок уборной.

Снаружи раздался голос Сюй Ли: «Цзяньвэй?»

Очевидно, заметив исчезновение Се Цзяньвэя из-за стола, тот последовал за ним в надежде поговорить с глазу на глаз.

Се Цзяньвэй оказался прижат спиной к стене кабинки, будучи не в силах даже пошевелиться.

Услышав голос Сюй Ли, Лу Ли помрачнел до предела.

Сюй Ли продолжал рассуждать в пустоту: «Я знаю, что ты здесь, и знаю, что видеть меня не хочешь, но есть слова, которые я обязан тебе сказать».

Се Цзяньвэй совершенно не понимал, о чем тот толкует. Кабинка была не такой уж маленькой, но Лу Ли вжался в него всем телом, обдавая его шею горячим дыханием. Эта поза была донельзя двусмысленной, и Се Цзяньвэю стоило колоссальных усилий просто сохранять самообладание и не реагировать на происходящее.

Сюй Ли не унимался: «Я так жалею, что бросил тебя тогда, просто испугался... На самом деле та женщина мне не нужна, мне казалось противоестественным парню жить с парнем, я думал, что раз должен любить женщин, то обязан быть с ней... Но я ее не люблю! Все дни рядом с ней я думал только о тебе. Цзяньвэй, лишь потеряв тебя, я понял, как прекрасно ты ко мне относился, никто на свете не сравнится с тобой...»

«Я знаю, что за эти годы вокруг тебя вилоь много людей, но я также знаю, что со всеми ими ты просто играл. Ты не ко всем относишься хорошо, ты был добр только со мной, ты заботился обо мне четыре года, я...»

Слушая фразы вроде «ты просто играл», «ты был добр только со мной» и «ты заботился обо мне четыре года», Лу Ли чувствовал, как в голове гудит. Каждое слово отдавалось в нем зазубренным шипом, вонзаясь прямо в плоть и разрывая её в клочья.

Опустив взгляд на растерянное лицо Се Цзяньвэя, Лу Ли лишь укрепился в мысли, что Сюй Ли прав: гулявший все эти три года напролет Се Цзяньвэй так и не смог забыть этого человека.

А теперь этот человек вернулся.

Пусть сейчас из гордости Се Цзяньвэй не принимает его, это лишь вопрос времени. Пройдет всего несколько дней, и он обязательно простит Сюй Ли.

Что тогда делать ему?

Он перестанет быть даже партнером по постели или заменой.

У него даже не останется шанса просто увидеть его.

Лу Ли знал, что сошел с ума. Вложить столько чувств в такого человека — это и правда было безумием.

Но ничего не поделаешь: всё началось с ошибки, каждый шаг был ошибкой, и теперь всё зашло слишком далеко, исправить было уже невозможно.

Сюй Ли продолжал бормотать о «прекрасных воспоминаниях прошлых лет» с Се Цзяньвэем.

Тем временем Се Цзяньвэй отчаянно пытался сдержать себя, чтобы не поцеловать собственного безумного альфа-партнера.

В этот момент Лу Ли опустил голову, увидел сдержанное выражение на лице Се Цзяньвэя и взорвался окончательно.

У них такая глубокая связь, у них страсть в постели, а он тогда кто? Кем, черт возьми, он для него является!

Лу Ли свирепо впился в губы Се Цзяньвэя поцелуем и резким движением задрал на нем одежду.

Се Цзяньвэй попытался слегка отстраниться в знак протеста: «Ты... что ты делаешь?..»

Лу Ли прошептал ему на ухо угрожающим голосом: «Хочешь, чтобы он увидел тебя в таком виде?»

На лице Се Цзяньвэя мелькнула паника — разумеется, он не хотел, чтобы Сюй Ли видел его в подобном состоянии, да кто этот Сюй Ли вообще такой?!

Впрочем, уже через секунду Се Цзяньвэй сообразил: разве Лу Ли позволил бы кому-то постороннему увидеть его в разорванной одежде? Это пустые угрозы.

Но даже это мгновение растерянности окончательно вывело Лу Ли из себя.

Изначально он не собирался заходить до конца, но теперь захотел жестоко отомстить.

Заставить его выглядеть жалко перед любимым человеком, заставить его слушать признания о прошлом с тем самым возлюбленным, пока он сам тонет в наслаждении под другим...